

Будем стойкими! Время, конечно, опускает нас на дно. Но давайте представим себя неким ведром, которым черпают родниковую воду. Представим в нашем случае, что поэзия и станет той родниковой водой, исцеляющей и вдохновляющей. Пусть опять придет ее время. Ведь — а мы имели такой опыт! — оно было не самым худым.

РЕЦЕНЗИИ

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мода изменчива, как погода.

В последние годы многие издательства увлеклись сборниками, не привычными авторскими, а коллективными. А монстры даже поставили дело на поток: за книгой о счастье следует антология несчастья, за Москвой — Петербург, за детством — секс и смерть. Можно — про футбол (благо, есть информационный повод), а можно — про кулинарию. Для изобретения новых тем впору вводить в редакциях свежие головы.

Но где найти новых авторов? Самые востребованные в изнеможении перебегают с обложки на обложку.

В очередном блоке рецензий магистранты СПбГУ, специализирующиеся по критике и литературному редактированию, смотрят на этот феномен с разных сторон, но оценивают его преимущественно благожелательно.

И это можно понять. Во-первых, в антологиях хороший редактор-составитель — половина успеха.

Есть и во-вторых. «Антологии и хрестоматии имеют особенное значение при освоении литературы прошлого. Они создают в сознании канон текстов, в принципе знакомых каждому образованному человеку, и этим облегчают формирование единства вкуса и возможности читательского взаимопонимания» (М. Л. Гаспаров).

Антологии же современные — фундамент будущего канона.

Попробуем угадать?

Игорь СУХИХ

ВИЖАС МИЗЕРИА, ИЛИ ПОЛЕВОЕ БЕССИЛИЕ

**Игра народная. Русские писатели о футболе. М.: АСТ, редакция
Елены Шубиной, 2018.**

Сборник короткой прозы «русских писателей о футболе» «Игра народная», вышедший в издательстве «АСТ» (редакция Елены Шубиной) к началу чемпионата мира в России, содержит 32 «образца»... Стоп. Здесь стоит сразу же сделать остановку. Образца чего? Потому что дальше ни критики, ни тем более читатели не могут охарактеризовать то блюдо, которое им в этом литературном ресторане предлагают. Или, если уж пользоваться футбольной терминологией, что это за команда выходит побеждать в «игре народной»? Кстати, побеждать ли? С таким составом действующих лиц

впору сетовать на несыгранность, а болельщикам бежать в букмекерскую контору и ставить на проигрыш команды писателей — не всухую, конечно, но с большим отставанием. Общая идея, легкоузнаваемый стиль игры, единая тактика и, наконец, грамотная ротация состава — в этом заключаются главные принципы успеха футбольной команды. Смогут ли писатели из сборника «Игра народная» взять верх над авторами похожей книжки «Это футбол! Писатели на стадионе» (СПб.: Лимбус Пресс, 2017) или выстоять в изначально неравной борьбе против авторов научного исследования «Вратарь, не суйся за штрафную!» (М.: НЛО, 2018)? Вряд ли. Разве что против последнего коллектива, потому что у них самих огромный ворох неточных передач и явных упущенных моментов. Но не будем предсказывать счет матча раньше времени.

1. Как вы яхту назовете — так она и поплывет

Для начала посмотрим на название команды. «Игра народная» — тут не нужно быть семи пядей во лбу — отсылает к известной строчке «Идет война народная, священная война!». Видимо, авторы сборника рассчитывали вызвать у читателя ассоциации с футбольными чемпионатами мира или национальными первенствами, напоминающими боевые действия (желающие могут уточнить в Википедии «Футбольную войну» между Гондурасом и Сальвадором), однако мотив войны явно не составляет смысловую доминанту сборника. В подзаголовке же таится ложный след, только запутывающий читателя. Он ждет, что о футболе ему будут рассказывать именно литераторы (все-таки «писатели о футболе» — прямо заявляют составители этого сборника). Окинув взглядом содержание, проницательный читатель из 27 авторов, представленных в книге, может назвать писателями в лучшем случае человек 12–13. Остальной контингент — неплохие спортивные журналисты, публицисты, сценарист, телеведущие и спортивные комментаторы, то есть сословие, которое к «высокой литературе» никогда не принадлежало. Неувязка? Да, всего лишь. Но как заметил представитель одной недружественной нам спецслужбы: «Маленькая ложь рождает большое недоверие».

Как мы уже заметили, команда наша получается очень эклектичной, разношерстной. Каждый игрок пытается выехать за счет индивидуального мастерства, никто не хочет таскать рояль — все хотят играть на нем. Только проблема в том, что получаются типичные лебедь, рак и щука. Тем более что тексты весьма отличаются по жанру, стилю и просто смыслу. Чего там только нет!

В этом, наверное, главная проблема вообще всех сборников, издававшихся за последнее время, — чудовищная неоднородность текста. В любом сборнике — на мой скромный взгляд — должен быть лейтмотив, особое настроение, позволяющее объединить написанное разными людьми в одну систему. И вот эта концепция, направляющая читателя, помогающая ему понять какие-то скрытые смыслы, в «Игре народной» напрочь отсутствует. В сборнике каждый — сам по себе, тексты не то что неоднородны — часто они написаны людьми, жившими в разных эпохах. Стихотворение Андрея Вознесенского соседствует с довольно пошлым фельетоном Дмитрия Федорова, пространное философское эссе Александра Секацкого — со стихотворением Осипа Мандельштама, а настоящий писатель Александр Терехов — со спортивным комментатором Геннадием Орловым. Даже если поглядеть на жанры, в которых умудрились отметиться непонятно кем коронованные «русские писатели», получится какой-то коктейль странноватого вкуса: эссе (Генис), очерки (Набутов-мл., Самойлов, Орлов о Махарадзе, Казаков), портретная зарисовка (Орлов об Озерове), фельетон (Федоров), конспект репортажа для ТВ (Стогниенко и Павлюк), рассказ (Водолазкин, Рубанов, Самсонов), заметки на полях (Носов).

**2. Я понял, в чем ваша беда: вы слишком серьезны.
Умное лицо — это еще не признак ума, господа.
Все глупости на земле делаются именно с этим
выражением лица**

По гамбургскому счету, большинство текстов «Игры народной» — это газетные статьи, очерки, то есть то, для чего есть отдельный подвид прессы — спортивная журналистика. Как материал для чтения они подойдут в исключительных случаях. Соответственно, ожидания читателя и его восприятие при чтении спортивной прессы по утрам другое, нежели при чтении худлита. Чего добивались составители сборника, подавая журналистские материалы под видом «серьезной» литературы, — большой вопрос. Гармоничнее всего они бы смотрелись в «Спорт-Экспрессе», на спортивном сайте, в блоге, да где угодно, но только не в книге. Чрезвычайно информативный текст Владимира Стогниенко и Семена Павлюка «Родина футбола» мог бы стать сценарием неплохой футбольной программы на ТВ (как в принципе и произошло), но только не подобием рассказа в сборнике, где рядом есть Терехов или Водолазкин. Те же рубленные, короткие предложения Рубанова или Данилова, оформленные именно в художественную прозу, здесь выглядят на порядок органичнее.

Даже читателю, незнакомому с футбольными перипетиями, будет непонятно, по какому принципу отбирались авторы для сборника: ощущение, что редакторы-составители особенно не мучились и включили в книгу первых пришедших на ум людей, при этом невозбранно используя их предыдущие публикации (всего лишь шесть текстов написаны специально для «Игры народной», остальные так или иначе уже были опубликованы). Непонятно, что двигало составителями, когда они включали в сборник стихотворения Мандельштама, Заболоцкого и Вознесенского на одном полюсе и вымученные очерки из спортивной блогосферы — на другом. Дань уважения классикам? Тогда почему информации о поэтах нет даже в последнем параграфе «Об авторах»?

Конечно, объять необъятное нельзя, но можно попробовать представить альтернативную команду сборника — вспомнить другие (не менее, а быть может, и более) замечательные произведения о футболе. Первое, что приходит в голову, — стихотворение «Football» Владимира Набокова, отдельные строки «Университетской поэмы» или отрывки из «Подвига», где главный герой — Мартын Эдельвейс — стоит в рамке университетской команды Кембриджа. Багрицкий со стихотворением «Футбол», Катаев с отрывками из «Алмазного моего венца», Олеша с «Завистью» и с «Ни дня без строчки». А еще были стихотворения Евгения Евтушенко: о матче 1952 года между СССР и ФРГ; посвящение Льву Яшину — «Вратарь выходит из ворот». Впрочем, у Евтушенко есть отдельная книга — «Моя футболиада». А Юрий Трифонов с «Концом сезона»? Да и грех не вспомнить Абрама Терца (Андрея Синявского) с рассказом «Суд идет»... По крайней мере, команда с Набоковым-вратарем и Евтушенко-нападающим смотрелась бы ничуть не хуже. В литературном дриблинге, в умных комбинациях и завершающих ударах она явно бы превосходила нынешних «дармоедов».

Кстати, присутствие фигуры Владимира Набокова ощущается во всей книге. Однако очерк про человека, который связывает большую литературу и большой футбол, получился скомканным, выполненным в формате спортивного блога, для чего он по большому счету и предназначен: не раскрытие темы, а ее набросок, не полноценное исследование, а галопом по Европе. Коротенькие абзацы, минимум анализа для удобства читателя — налицо типичное «драйв-мышление», как это называется в медиакоммуникациях. Вот автор обращается к голкиперству Набокова в Кембридже — и тут же каким-то ветром его уносит в Серебряный век, а потом к шестидесятиникам. Про бер-

линский период писателя упомянуто вскользь, да и футбол там совершенно не присутствует. Замыкает этот странный ряд повествования упоминание о сыне Дмитрие, который увлекался автогонками и оперой. Правда, как это связано с футбольной тематикой книги — бог весть. Кстати, почему автор очерка констатирует, что «Тринити-колледжу не везло на голкиперов» и «[колледж] получил энтомолога, пускающего бабочек»? Отнюдь, по воспоминаниям из «Speak, memoгу», Набоков был весьма способным вратарем, и явных «бабочек» не пропускал: да, иногда, как он вспоминал сам, «изменял глазомер», но о явных вратарских ошибках и промахах нигде не упоминается. Впоследствии, в «Других берегах», Набоков напишет: «Как иной рождается гусаром, так я родился голкипером». Так что каламбур, несмотря на все старания автора, вышел неудачным.

Точно так же, как текст В. Божко о Набокове рассчитан на формат спортивного блога, заметки А. Гениса подходят только для «Новой газеты» — в отрыве от статей про условных ольгинских троллей и условных же поваров Путина они, как бы выразился современный читатель, «не заходят». К тому же Генис совершает одну фатальную ошибку, которую могут заметить только опытные любители футбола: все высокопарные сентенции насчет «дзена футбола», его метафизики и второй религии, по Генису, относятся к чемпионату мира, тогда как этот турнир давно уже утратил статус ярмарки трендов, показа мод, конференции по инновациям — называйте как угодно. Европейские национальные чемпионаты и Лига чемпионов (которые Генис, видимо, со своего американского берега не успеваешь смотреть) дадут фору самым «интересным» противостояниям какой-нибудь сборной Ирана со сборной Бразилии, например. И дзен, дух футбола, а также слова о том, что «футбол — сугубо национальная игра», уже давно не актуальны: глобализация победила, и даже в сборной Швеции светскокожих футболистов с фамилиями на «-сон» днем с огнем не сыщешь. Нестыковка на первый взгляд невелика, но вместе с ней теряется весь смысл генисовских эссе — этих непричесанных «заметок на полях».

3. О боже! Что он делает?! Кретино! Тенти останети! Дольваре дес культе, дес фрути та дьяволо!

Иной читатель, глядишь, и заснет на эссе Александра Секацкого с огромными выдержками из (!!!) Пелевина, пролистнет выдуманную историю о том, как известный спортивный (а ныне безработный) комментатор Василий Уткин играл в футбол, не пробудится на типичном женском воспоминании лишь по поводу футбола Ольги Брейнингер, зато разбудят его Андрей Рубанов («К нам едет Марадона»), Александр Терехов («За дармоедами»), Сергей Самсонов («ДЮСШ имени Горького») и Дмитрий Данилов («Граундхоппинг»). Разбудят всех заснувших болельщиков-читателей, забудут каждый по голу и спасут писательский коллектив от позора. Причем они отлично сочетаются: Рубанов делает голевой пас Данилову, а Самсонов — Терехову, и наоборот. Их связки очень хорошо сочетаются между собой, их футбольный (и писательский) уровень сразу виден даже самому слепому болельщику на последнем ярусе стадиона.

Андрей Рубанов в своем традиционном стиле (короткие предложения, быстрые, отрывистые фразы) повествует о приезде в Москву легендарного Диего Марадоны. Правда, когда-то лучший футболист мира уже не так легендарен: он потолстел, постарел, стал склонен к травмам, — одним словом, явно не таким (их лучше вообще не видеть, проверено на собственном опыте: теряется аура, происходит некоторое остранение: ты думаешь увидеть лучшего футболиста мира, а видишь маленького бородатого аргентинца в бело-голубой футболке) ожидал увидеть Диего Армандо герой рассказа. 21-летний Рубанов думал, что будет наблюдать игру гениального кудесника мяча, а вышло...

Марадона играет за «Наполи», Рубанов болеет за противостоящий им «Спартак» — и никак не может понять: неужели можно сокрушить живого бога, того самого Марадону, который четыре года назад (дело происходит в 1990 году в «Лужниках») стал чемпионом мира? Да, в футболе и правда может произойти все что угодно, а если игроки не помогают, всегда на помощь приходит генерал Мороз: «И даже природа салютует выходу живого бога: едва Марадона делает первые шаги по газону — стадион накрывает сплошным снежным зарядом. Поле исчезает из глаз. Это наш привет, от бога холода — богу футбола. Мы все кричим как дети. Это игра».

Снежная Москва победила вечно теплый Неаполь, выходец из аргентинских трущоб Марадона ничего не смог противопоставить юным спартаковцам. Таким же юным, как и их фанаты: «Тому, кто внутри игры, — всегда тринадцать лет», — с чувством опыта замечает Рубанов.

Если герой Рубанова смотрел с трибун на баталии европейских грандов (сейчас где-то втихомолку ухмыльнулись преданные фанаты «Спартака»), то Дмитрий Данилов выбрал в качестве смотровой площадки «трибуны» (если их можно назвать, чаще всего — это скамейки, пластиковые стулья или всяческое отсутствие приспособлений для сидения) подмосковных команд любительских лиг. Стиль повествования, казалось бы, должен навевать скуку: что же интересного может быть в постоянном перечислении никому не известных команд из Люберец, Шатуры или села Кривандино? Эти сыграли хорошо, те — не очень, а в Италии тоже, знаете ли, не сахар, да и стадион расположен у черта на куличках...

Но рассказывая читателям об игре, Данилов постоянно держит включенной фирменную иронию, доходящую порой до гротеска (неудивительно, что две пьесы Данилова стали хитом последних театральных сезонов). Ирония эта, наверное, общемировая: он смеется и над состоянием газона, и над кричалками местных «кузьмичей», и над количеством болельщиков: «ф а н а т к о е (разрядка моя, почувствуйте иронию, в другом месте Данилов называет их „ультрас“) движение Серпухова составляют только эти парень с девушкой». Ему смешна собственная любовь к электричкам и спортивному андеграунду. Но этот смех — добрый, даже где-то застенчивый, с искренним желанием разобраться: что же заставляет человека каждые выходные ездить в отдаленные уголки Подмосковья? Даниловская проза — это такая light-версия описания футбольных сражений, чем-то напоминающая манеру Олеси в «Ни дня без строчки».

«Команда в синем забила на первой же минуте. Поскольку за матчем по-прежнему наблюдало два человека, никакой зрительской реакции не последовало. По-прежнему непонятно кто Динамо Зарайск, а кто СТС Кашира».

Истории Данилова — сплав из множества жанров: тут и географическая справка, и экскурс в историю, и отчет о матче, и байка, рассказанная случайно, и заметки явно из личного дневника, — но этот случай, когда непохожие друг на друга компоненты дают очень информативный и, главное, наполненный личными переживаниями текст: «Мама с крошечным ребенком вышли на поле, у них был крошечный футбольный мяч, крошечный ребенок встал в большие, взрослые ворота, мама била по воротам, а крошечный ребенок иногда пропускал голы, а иногда не пропускал, отбивал».

4. Я не летал на луну. Ну ладно. Если бы вы знали, какая она красивая!

Рассказ Сергея Самсонова «ДЮСШ им. Горького» открывает нам иную сторону футбольного бытия: здесь автор — полноценный участник игры. Сразу видно, что Самсонов — не просто талантливый писатель, но и человек, разбирающийся в футболе (первый его роман — «Ноги» — как раз и посвящен гениальному русскому фут-

болисту). «ДЮСШ им. Горького» — это, конечно, не «Реал» с «Барселоной», даже не сборная России, но именно там, в институтской команде, именно в беззаботности футболистов-любителей — прелесть настоящей игры. Даром что это студенческий чемпионат, даром что сборная команда Литинститута плетется в хвосте турнирной таблицы, в то время как на нее взирает вся великая русская литература «с голкипером Набоковым в придачу» (еще один оммаж русско-американскому писателю). Оказывается, что футбол — это еще и лучшее воспоминание, *magnum opus*, и студент, впервые зашедший на площадку в закоулках неподалеку от Тверского бульвара, уже навсегда останется патриотом футбольного духа, ведь только футбол среди всех других видов спорта может «перевернуть человеческую природу». И последний матч, как последний бой, необычайно важен: на пятом курсе со спортивной площадки необходимо уйти непобежденными — чтобы не опозорить русскую литературу, чтобы не только Набоков смотрел с небес, хлопая в свои вратарские перчатки, а вся русская словесность узнала о новых «пиитах», которые, помимо слова, умеют еще и владеть мячом: «Если вправду... дано будет мне попросить о последнем, одном у Того, кто для нашей пощады состоит из незыблемой сини света, то велик будет страшно соблазн со щенячьим восторгом протягивать: „Дай сыграть мне еще один раз“».

Наконец, самый интересный в художественном отношении текст — очерк Александра Терехова «За дармоедами». Под «дармоедами» в данном случае подразумевается многострадальная сборная России, а точнее, два ее матча с интервалом почти в четыре года: матч против испанской команды на чемпионате Европы-2004 и решающая игра с Израилем в отборочном турнире к аналогичному чемпионату года 2008-го. Собственно говоря, отношения с футболом зеркальны отношениям главного героя с сыном: это любовь, любовь какая-то мазохистская, непонятная, негармоничная, пьяная, но то, что она русская, своя, становится понятно на первой странице. Мотив одиночества, тоски, осознания бесцельно прожитых лет присущ и сборной, и главному герою (альтер эго самого Терехова). За скупыми, совсем неинформативными отчетами о матчах скрывается экзистенциальная глубина, за каждой репликой — «смех сквозь слезы», за каждым поражением и негодованием по поводу — любовь: «И русские затопили трибуны, и посреди VIP-сектора испанцев, где пили шампанское и гуляли официанты, страшно и несвержимо повис плакат „Фанаты Бузулука“, и по испанским рядам, по рукам и прямо по головам, ослепляя и утюжа, сполз огромный российский флаг с загадочной надписью „Smolensk — нас больше!“ — и мы заревели гимн и потрясенно смолкли лишь однажды. Когда испанцы забили гол».

В принципе этой тереховской формулой исчерпывается все, что происходит с нами в жизни. Это универсальное объяснение всех жизненных циклов, успехов и неудач. Именно поэтому футбол — наиболее удачная метафора нашей жизни, именно поэтому катание мяча по газону считается самой популярной спортивной игрой на планете. Ты ждешь, надеешься, но потом какие-то «дармоеды» приходят и все разрушают, а через несколько мгновений жизнь твоя опять заходит на очередной круг. Какие-то неведомые силы сначала ведут тебя к цели, а потом так же быстро уничтожают: «Что евреев побольше, стало ясно, когда дармоеды и педерасты пропустили гол». Но ты ведь любишь и эту жизнь, и эту игру, и эту сборную.

Наверное, самое главное в очерке — образ сына, ведь генетически эта «русская матрица» передалась и ему, и в ближайшем будущем (недаром герой, видя симпатичную девочку на пляже, говорит сыну, что «на таких не женятся») он пройдет через все семь кругов беспокойного ада, которые проходит его отец. Футбольная болезнь передается по наследству.

Конечно, сын — далеко не единственный персонаж этого небольшого рассказа. Все герои Терехова чрезвычайно типичны — это такая Россия в миниатюре: здесь и эми-

грант из Волгограда, шесть лет не видевший оставшуюся дома мать, вплотную к нему — компания «вологодцев» (кстати, единственная ошибка Терехова: все-таки жителей этой области нужно называть «вологжанами») с десятью бутылками пива, компания случайно возникших португальских фанатов, косоглазый банкир-туляк, араб с лоскутным одеялом, неумелая гид-переводчица; ветеран, воевавший в Анголе; Валерик, которого знает весь Челябинск, — портретная галерея разных национальностей, со своими проблемами и чудачествами. Впрочем, автор их любит, потому что все они — свои. Все они так же болеют футболом и не могут поверить, что сборная России — в который уже раз, должны ведь были привыкнуть — проигрывает не самой сильной команде.

И даже драки в самолете, пьянство и похождения по ночным клубам, где «русским никто не отсасывает», — все они, вместе взятые, создают тот узнаваемый, поначалу кажущийся неровным и скользким стиль тереховского письма: текст из разных несвязных диалогов постепенно переходит в мучительный разговор с собой насчет потерянных смыслов. Впрочем, заканчивается все оптимистично: футбол требует новых эмоций, как сама жизнь: «Из самолета в метель при минус девяти все шли принципиально в шортах и майках. Двоих несли».

* * *

В эссе Кирилла Набутова о специфике аргентинских футбольных нравов есть фрагмент, где автор говорит о «Вижас Мизериа» («виллах нищеты») — буэнос-айресском аналоге фавел, трущоб, короче говоря. Обычно там живут не очень приветливые люди: они воруют электричество у городских сетей, недостраивают дом, чтобы не платить налог, так что бытует мнение, что туристам туда лучше не заходить. Однако именно там родился величайший футболист прошлого века — Диего Марадона. Все-таки в любви из «вижас» есть футбольное поле — и рано или поздно самородок из аргентинских трущоб должен был сверкнуть на футбольной витрине дорогих драгоценностей.

Современная русскоязычная проза, посвященная футболу, — это «вижас мизериа». Коллективный Марадона — это Рубанов, Терехов, Самсонов и Данилов. Все остальные просто воруют электричество.

Алексей ЮГОВ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СЧАСТЬЮ

Счастье-то какое! В прозе и стихах. М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018.

В редакции Елены Шубиной в серии «Русский рассказ» вышел третий сборник — посвященный теме счастья. Выбор темы неоднозначный, тем более что первые два были посвящены детству и футболу.

Составитель сборника — Майя Кучерская, руководитель и преподаватель Creative Writing School. Она же — автор идеи: «Я ведь преподаю русскую классику, а там... Вечно герои расстаются, гибнут, стреляются. И я предложила просто в порядке литературного эксперимента слушателям наших литературных мастерских Creative Writing School написать уже наконец рассказ о счастье. Получила около 20 рассказов, некоторые великолепны. Я принесла их Елене Данииловне Шубиной, нашему знаменитому редактору и во многом создателю современной русской словесности. Елена Данииловна резонно ответила, что о счастье не только юные, но и взрослые авторы могут написать.